

Первая ЛЮБОВЬ

РАССКАЗ

ВУ НАМ

Вьетнамский писатель

МОЮ маленькую подругу звали Нинх. Я говорю «маленькую», потому что был старше Нинх на целых два года. Но мы жили на одной улице, учились в одной школе, вместе играли, всегда делились сладостями и игрушками и были неразлучными друзьями.

Наши рано овдовевшие матери дружили между собой, с большой любовью относились к нам, детям, и это еще больше сближало нас.

В детстве я очень любил зажигать хлопушки. На покупку их я тратил все деньги, подаренные мне к Новому году. Положив хлопушку под дверь и усадив рядом с собой Нинх, я с нетерпением ожидал, пока кто-нибудь войдет. Хлопушка разрывалась со страшным шумом, а маленькая Нинх восторженно хлопала в ладоши, восхищенная моей смелостью. Очень часто я помогал Нинх в ее школьных делах, больше всего по арифметике, в которой она была не особенно сильна.

Так постепенно, день за днем, наша детская дружба перерастала во что-то более сильное и значительное. Я уже не мог спокойно смотреть на Нинх и всегда смущался, когда она замечала мое волнение. Мы терялись в присутствии взрослых, и это тоже было новым для нас. Я понял, что люблю Нинх.

Мне было девятнадцать лет, когда французские войска оккупировали Намбо (Южный Вьетнам). Мы с Нинх ушли из школы. Мы не могли сидеть сложа руки, когда по всей стране развернулось освободительное движение. Я вступил в ряды армии, Нинх стала медсестрой. Оба получили назначение в часть, отвечающую за охрану городских ворот. В городе начались ожесточенные бои. Под Новый год, когда я вместе с товарищами шел отбивать текстильную фабрику, Нинх проводила меня до самых окопов и все время просила быть осторожным и зря не рисковать. Я был глубоко тронут ее заботой. Но мы недолго были вместе. Вскоре Нинх послали на курсы, организованные службой здравоохранения. Прощание наше было печальным, от волнения мы долго не решались ничего сказать друг другу.

— Нинх, мы не должны забывать друг друга, — наконец проговорил я.

Нинх пристально посмотрела на меня. Глаза ее были полны слез. Я взял ее за руки, потом крепко обнял. На прощание мы обменялись фотографиями.

В одном из боев я был ранен в ногу и после выхода из госпиталя получил назначение в другую часть. Так я потерял связь со своей любимой.

Прошло три года. Я стал командиром подразделения. Сколько смертей, сколько страданий видел я за это время! И все эти годы я непрестанно думал о Нинх. Жива ли она? А если жива, то помнит ли меня? Ведь за это время она могла встретить столько настоящих героев! Но с фотографии на меня смотрели ее большие темные глаза, она улыбалась мне, открыв белые, как перламутр, зубы. И я начинал упрекать себя за такие мысли. Разве можем мы забыть друг друга после стольких лет настоящей, верной дружбы! Но, может быть, Нинх не знает, жив ли я? Мало кто вернется живым после этой жестокой войны. В такие минуты я всегда вспоминал стихотворение Симонова «Жди меня».

Надо очень сильно любить, чтобы верить, что твой любимый вернется. Но способна ли Нинх на такую любовь?

Как счастливо могла сложиться наша жизнь, если бы не эта страшная война. Я продолжал бы учебу в Ханое, а Нинх могла выбрать себе работу по сердцу. Но война, навязанная оккупантами, разрушила наше счастье. Только в борьбе можем мы вновь обрести его. Мне становилось смешно, когда я вспоминал, каким наивным я был в первые дни войны. Тогда мне казалось, что мир будет восстановлен через какие-нибудь пять-шесть месяцев... Но вот прошло уже три года, а бои все продолжались.

Наши семьи еще в начале войны были эвакуированы в провинцию Тханьхоа, и судьба их была мне неизвестна. За эти три года я сильно изменился. От изнуряющей малярии и больших доз хины я весь пожелтел. Часто небритый, наголо остриженный, в залатанной одежде, — узнает ли меня Нинх, если когда-нибудь придется встретиться?

Вероятно, и она сама сильно изменилась за это время.

Как-то нашу часть отвели на отдых. Впервые за эти дни мне удалось заснуть. Но сон мой был недолог, — меня разбудил приятный женский голос. Первой моей мыслью было: «Нинх!»

Но это была Му, сестра моего друга, офицера нашей части Хоана, который недавно познакомил нас. Мы разговорились. Почему-то Му все время пристально смотрела на меня. Казалось, она силилась что-то вспомнить. Неожиданно она спросила:

— Скажите, вы не знакомы с девушкой, которую зовут Нинх?

— Нинх! — вскричал я. — Стройная девушка с темными глазами! Медсестра санитарного отряда!

— Да, да, именно ее я имела в виду, — ответила Му. — Сейчас она учится с мной. Нинх много говорила мне о вас и показывала вашу фотографию. Вот почему мне почудилось, что я уже где-то видела вас раньше.

Сердце мое радостно забило. Достав из планшета фотографию Нинх, я протянул ее Му. В свою очередь она показала мне хранившуюся у нее фотографию Нинх. Да, это была моя любимая! Какое счастье! Я попросил Му подробнее рассказать мне о ней.

— Она здорова, — сказала Му, — но ей приходится слишком много работать. К тому же ее постоянно волнует ваша судьба. Ведь за последние три года она не получила от вас ни одной весточки.

Му улыбнулась.

— А знаете, сначала она ничего не говорила мне о вас. Но как-то один из наших офицеров предложил ей стать его женой. Нинх отказала ему, и все решили, что уж очень она горда. Ведь офицер этот молод, красив и к тому же прекрасный человек. Когда она узнала от меня, что думают о ней товарищи, она мне все рассказала и показала вашу фотографию.

Как взволновал меня рассказ Му! Моя Нинх находилась сейчас в семи километрах от меня, и я медленно решил пойти к ней. Санитарная школа Народной армии разместились в нескольких пальмовых хижинах, расположенных на пологом зеленом холме, который уступами спускался к ручью. Когда мы с Му подошли ближе, я услышал приятные женские голоса. Был праздник, и женщины шли на прогулку. Я так волновался, что меня даже начало лихорадить. Мое волнение, вероятно, передалось Му.

— Знаете что, — сказала она, — будет лучше, если вы останетесь здесь, а я позову Нинх. — Я согласился, но, не сделав и нескольких шагов, она вернулась. — Я не скажу ей, что вы здесь. Когда она придет, вы неожиданно выйдете ей навстречу, ладно?

От волнения я не мог выговорить ни слова и только кивнул в знак согласия. Я не знал, сколько прошло времени, но вдруг я увидел Нинх. Я так дрожал, что мне пришлось прислониться к калитке, чтобы не упасть. А она, ничего не подозревая, медленно шла мне навстречу. На ней были красивая голубая кофточка и черные брюки. Собрав силы, я быстро открыл калитку. Нинх с радостным криком бросилась ко мне. Платочек, который она держала, выпал у нее из рук, но она не обратила на это никакого внимания. Долго стояли мы, схватившись крепко за руки, и в волнении смотрели друг на друга. Неожиданно раздался смех. Это смеялась Му. Красные от стыда, мы быстро опустили руки.

Нинх подняла платочек и предложила пойти погулять. Я все смотрел на нее и не мог наглядеться. За три года разлуки она выросла. Здоровый румянец красил ее нежные щеки, и по-прежнему блестяли темные глаза. Ровно подстриженные волосы падали на плечи.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила Нинх.

— Я должен благодарить Му. Она пришла навестить брата, с которым мы служим в одном отряде.

— Вот чертенок, — рассмеялась Нинх, — а ведь мне она сказала, что меня хочет видеть какая-то подруга.

Так, разговаривая, мы пришли на берег ручья, где росли высокие травы. Длинные ветви деревьев клонились к земле, ручей журчал у наших ног, и легкий ветерок нес приятную прохладу. Мы сели на землю. Сколько нам нужно было рассказать друг другу! Ведь мы не виделись целых три года. Сколько замечательных планов на будущее приходило нам в голову! Теперь мы знали, что день нашей свадьбы близок. Мы верили в нашу победу, и эта вера давала нам силу. Мы любили друг друга еще сильнее, чем прежде. Уже давно наступил вечер. Последний луч солнца, скользнув по деревьям, отразился в ручье и осветил Нинх. Я крепко обнял ее. Какие-то щебечущие птички уселись на ветви, но, увидев нас, тут же улетели.

Улыбаясь, Нинх склонила голову мне на плечо. Мы молчали, слушая, как нежно рокошет ручей. Наступала ночь, но нам не хотелось расставаться. Я обещал Нинх, что буду навещать ее каждую свободную минуту. Она взяла мои руки и прижала к себе. Слезы выступили у нее на глазах. Затем она

резко повернулась и тихонько пошла вдоль ручья. Потом она оглянулась, махнула мне рукой. Я молча смотрел ей вслед, пока она совсем не скрылась из виду.

* * *

Утром следующего дня три группы вражеских самолетов «Дакота» появились из-за моря и выбросили парашютный десант. Спустившись на землю, оккупанты начали строчить из пулеметов, повсюду сея страх и панику.

Я с тревогой подумал о Нинх. Враги были как раз в том месте, где стояла ее школа. Не менее трехсот парашютистов участвовало в операции. Очевидно, перед ними была поставлена задача оттянуть наши части и дать передышку своим войскам после неудачи под Кон-Гао.

Мой отряд получил приказ атаковать захватчиков. Когда мы добрались до места высадки десанта, часть домов уже сгорела дотла. Всюду раздавался треск горящего бамбука и выстрелы из автоматов. Наши войска расположились на дороге, чтобы остановить неприятеля. Мы были уверены, что после этой решающей операции он отступит. Впереди было видно, как уходили работники госпиталя, уносили санитарное имущество. Я с беспокойством искал среди них Нинх. Неожиданно из соседней деревни появились французские солдаты в широкополых шляпах. Они ловили по полю убежавших крестьян, отбирали у них свиней, кур. Я приказал своим бойцам приготовиться к штыковой атаке. Враги подходили все ближе. Уже ясно слышались их резкие голоса. Внезапно я увидел бегущую во весь дух девушку, которую догоняли двое французских солдат.

— Стой! — кричали они. — Стой!

Девушка была одета в белую кофточку, в руках у нее был узелок. Солдаты несколько раз выстрелили в воздух, пытаясь заставить ее остановиться, но девушка продолжала бежать. «А вдруг это Нинх!» — подумал я. Мне казалось, что от волнения сердце мое разорвется. Но кто бы ни была эта девушка, мы должны спасти ее. Солдаты были уже ярдах в пятидесяти от нее, когда я приказал открыть огонь. Затрещали пулеметы, но пули не заделали французов. Они выстрелили в девушку. С громким криком она, как подкошенная, упала на сжатое поле.

— Огонь, — закричал я дико, и оба солдата упали. Вытирая пот, струившийся у меня со лба, я прошептал: «Бедная девушка». В этот момент наш первый взвод открыл огонь на краю деревни, за бамбуковой рощей. Потом раздалось победное крики наших бойцов, послышался глухой шум штыковой атаки, треск от разрывов гранат. Грохот боя, ржание лошадей — все сливалось в страшный гул.

К вечеру сражение было окончено. Стояла угнетающая тишина. Население группами возвращалось домой. Оставив один взвод собирать трофеи, я пошел на то место, где утром была убита девушка. Сердце мое тревожно билось. Я так спешил, что несколько раз чуть не упал. Наши солдаты осматривали убитых. Вдруг я услышал: «Бедная девушка!» Что-то оборвалось у меня в груди. Бойцы положили ее на спину, и я замер от ужаса. Это была моя Нинх! Пуля попала ей в спину. Кофта была вся в крови, руки все еще сжимали залитый кровью мешок, на котором, кроме красного креста, были нашиты ее инициалы.

Рыдания сдавили мне горло. Вокруг меня стояли друзья.

— Это моя любимая, — сказал я. — Помогите мне похоронить ее.

Я открыл сумку Нинх. В ней среди других вещей лежала какая-то тетрадь. Я раскрыл ее. Это был дневник. Я начал читать его и не мог удержаться от слез. Вся история нашей любви, нашей дружбы с детских лет и до тех пор, когда мы оба вступили в отряд, прошла передо мной. Я узнал, как тосковала Нинх все три года, пока мы были в разлуке. Наши фотографии лежали рядом между страницами.

Наступила ночь, когда мы проводили Нинх в последний путь. Дул холодный ветер. Где-то слышалось карканье ворон. Я бросил в ее могилу несколько горстей земли, пожелал покоя и навсегда простился с моей любимой.

Нинх была первой и единственной женщиной в моей жизни, и вот ее нет. Наша любовь цвела, как цветут по весне деревья. Но война — источник страданий и смертей — безжалостно сорвала и растоптала ее. И здесь же на могиле, прижимая к груди сумку Нинх, я поклялся отомстить за нее, за нашу разбитую любовь, за весь наш народ.

Тела двух вражеских солдат все еще лежали неподалеку. Я смотрел на них, и глубокая ненависть переполняла мое сердце. Мне хотелось крикнуть на весь мир: «Друзья, не щадите себя! Бейтесь с теми, кто покушается на вашу землю, на вашу любовь!»

Перевод с английского
Э. Боровик

МУСТАФА КЕМАЛЬ АТАТЮРК

(Окончание. Начало см. на стр. 32)

который значительно повысил международный престиж Турции. В течение четырех лет после его подписания Турция смогла постепенно и в общем к своей выгоде урегулировать спорные вопросы с Францией, Англией, Италией, несколько позже — с Грецией. Даже отличающийся антисоветскими измышлениями профессор Ахмед Шюкрю Эсмер, давая оценку внешнеполитическому положению Турции тех лет, впоследствии признавал, что «хотя Турция и улучшила свои отношения с западными странами, среди великих держав государством, с которым у нее установились самые сердечные отношения, был Советский Союз»⁵.

Экономическая политика при Кемале Атаатюрке была основана на принципах защиты слабой национальной экономики от империалистических монополий. Турецкое правительство проводило эту политику главным образом путем участия государства в развитии экономики страны. Предложенная Атаатюрком экономическая политика — этатизм — вызвала резкое недовольство со стороны иностранных монополистов и связанных с ними турецких компрадорских кругов. Турция подверглась в сущности финансовой блокаде. Ей отказывали в займах и кредитах, подрывали ее внешнеторговые позиции, пытались довести до валютного банкротства. Но и на этот раз Турция получила существенную поддержку от Советского Союза, который предоставил ей в 1932 году беспроцентный кредит в восемь миллионов американских долларов. На эти деньги с помощью советских специалистов были построены в Турции два крупных текстильных комбината (в Кайсери и Назилли), а также приобретено различное другое оборудование. Кроме того, советский кредит способствовал общему укреплению экономических позиций Турции, прорыву финансовой блокады и изменению поведения некоторых империалистических держав, которым пришлось после этого пойти на предоставление Турции кредитов.

Осуществлявшаяся Кемалем Атаатюрком политика дружбы с Советским Союзом была во всех отношениях полезна для Турции. Она содействовала

упрочению национального суверенитета страны и росту ее международного авторитета. Естественно поэтому, что в последние годы, особенно после государственного переворота 27 мая 1960 года, прошедшего под лозунгом восстановления принципов Атаатюрка, в Турции все более настойчиво раздаются голоса, призывающие возвратиться к проводившейся Атаатюрком политике советско-турецкой дружбы. Это вполне соответствует желаниям и чаяниям широких слоев турецкого народа, стремящихся добиться большей самостоятельности во внешнеполитических связях страны, установления добрососедских отношений со всеми, и особенно с соседними, государствами, поддержки прогрессивных начинаний и политики мира во всем мире.

Со своей стороны советский народ искренне хочет улучшения отношений между СССР и Турцией, возврата к временам дружбы, основы которой были заложены В. И. Лениным и Атаатюрком. Выражая чаяния советского народа, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев сказал на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года:

«Мы хотим жить в дружбе с турецким народом и сделать все, чтобы Черное море не разъединяло нас, а соединяло. Это было бы полезно как для Советского Союза, так и для Турции. Турецкое правительство заявляет, что оно хочет улучшить эти отношения. Мы надеемся, что эти заявления будут подкреплены реальными шагами и отношения между СССР и Турцией станут дружественными. Основа для этого есть, и она была заложена еще В. И. Лениным и Кемалем Атаатюрком».

Надо полагать, что призыв Н. С. Хрущева найдет правильное понимание в правящих кругах Турции. Руководитель приезжавшей летом 1963 года в Советский Союз парламентской делегации Турции, председатель сената Турецкой республики Суат Ургюплю говорил в своем интервью корреспонденту «Известий»: «Я внимательно читаю все выступления Н. С. Хрущева. Н. С. Хрущев — это человек, который искренне желает мира и затрачивает большие усилия на его достижение... Я вижу, что он очень открытый и прямой человек. Что у него на сердце, то он и говорит. Это не может не импонировать. И я полностью разделяю пожелание Н. С. Хрущева о том, что Черное море должно не разъединять, а соединять нас. Мы можем и должны жить в мире и дружбе». Будем надеяться, что эти слова получат практическое подкрепление и что политика Турции по отношению к Советскому Союзу снова будет опираться на принципы Кемала Атаатюрка.

Б. ПОЦХВЕРИЯ

⁵ Ahmet Şakrî Esmer, *Siyasî Tarih* (1919—1936), Ankara, 1953, s. 233.